

Александр Рогинский

ЛАУРА

* * *

Касьян лежал под пыльной вишней и наблюдал, как по белому от жары асфальту ползла телега, запряженная брюхатой клячей.

Вдали были видны купола русской церкви, ребристые крыши домов и верхушки деревьев, вычлененных из каменистых джунглей.

Справа дышала сыроватым теплом толстая крепостная стена.

Касьян выбрал место в небольшом саду, упирающимся в крепостные стены, чтобы немного подышать.

В пекле нагретых камней он начал задыхаться. Зинаида, нахлобучив на себя старомодную широкополую шляпу с окошком-фотографией какого-то боевика на фронте, поднимала температуру двора крепости своей деятельностью.

Лина, облаченная в платье «ночная сорочка», ходила цаплей вокруг операторши и что-то нашептывала ей, будто кто-то мог услышать ее указы.

Картинка была уморительной, но Касьяну

нечем было дышать. Это слепящее солнце и отраженный сухой блеск пропитанных веками камней утомлял глаза и сушил горло.

Их гид, высокая и поджарая сотрудница музея, стоящая Наполеоном в тени и изредка подзывающая к себе для консультаций Лину, посоветовала ему этот микроскопический раек.

Касьян был ей искренне благодарен. Она спасла его от солнечного удара.

Касьян барином лежал под вишней, наслаждался. Эту картину он бы назвал «Очень знойное лето».

Иногда организм чувствует полную гармонию с окружающим его миром. И тогда возникают вот такие, согласованные с природой, ощущения и определения. Это было лето, его зенит, его краски, его солнце и звон красоты, поднимающей дух.

Касьян забыл про свое прерывистое дыхание, забыл, почему, собственно, он лежит вот на этой точке земного шара.

Рядом работала его съемочная группа. Значит, ему не приснилось, что теперь он директор частного предприятия и выполняет заказ американского телеканала.

Они расскажут об этом городе и его знаменитой Старой крепости все самое интересное и получат новый заказ. И он со своими девицами объедут весь мир и представят его в виде фильма

миллионам зрителей.

Касьян не заметил, как задремал. А когда проснулся, вскочил. Он тут разлегся барином, а там девушки вкалывают на жару. Извиняло только то, что ему стало «зле», как точно определяет такое состояние замечательно точный украинский язык.

Касьян вылез из своего райка, отряхнулся и направился в крепость.

Ни Лины с Зинаидой, ни музейного гида во дворе не было.

Из тени выдвинулся бомжеобразный тип и указал рукой на башню Кармелюка.

— Там дальше подземный ход, туда пошли.

Касьян встретил музейного гида. Она стояла, скрестив руки и смотрела на дверь, как смотрят собаки, оставленные хозяевами у входа в супермаркет.

— Все-таки прорвались, — сказала, не оборачиваясь, — я им дала в проводники нашего электрика. У него фонарь. Они будут снимать первый ярус. Там, где был склад оружия.

— А это опасно? — спросил Касьян.

— Полностью подземные ходы еще не исследованы. Есть версия, что ими опоясан весь Старый город. Крепость старая, в 11 веке построенная как продолжение скалы. Всего 11 башен, много раз перестраивалась, была взята всего два раза.

Легенда говорит, что турецкий султан Магомет, смотря на неприступные валы, спросил: «Кто построил эту твердыню?». И услышал ответ: «Аллах». Со словами: «Так пусть Аллах ее и берет», — повел свои войска от стен крепости. И все же крепость была им взята.

Касьян выслушал еще некоторые исторические справки из уст дылды-гида, которая выплевывала их, как семечки, одновременно продолжая пристально вглядываться в деревянную дверь. Дылда наконец замолкла и только шумно дышала.

Касьян постоял еще немного и пошел (уже в который раз) осматривать крепость. Солнце выжигало из камней остатки влаги. Касьяну снова захотелось под вишню. Но сейчас это выглядело бы вызывающе.

Касьян выглянул в амбразуру. Мощные зеленые волны холмов накатывались на окно-бойницу. Впечатление было столь зримым и реальным, что Касьяна качнуло волной страха.

В крепости было пусто. В такую жару редко кто соглашался внимать историческим фактам и получать кайф от древних камней, выложенных в форме башен и стен.

Через полчаса Касьян снова стоял подле музейного гида, которая, казалось, не сдвинулась с места.

— Это уже никуда не годится, — сказала дылда. — Так долго там еще никто не задерживался.

Тревога пронеслась черной птицей в воздухе.

— Вы уверены, что так долго никто не задерживался?

— Я, уважаемый товарищ кинодеятель, если что-то говорю, то в этом всегда уверена — в отличие от других.

Кого она имела в виду, Касьян так и не понял. Наверное, продолжала диалог с кем-нибудь из своих сослуживцев на собрании.

К ним подошел мужчина во всем белом с кругленьким животиком, который, казалось, вот-вот выкатится и убежит колобком по древним камням вечного города.

— Что тут случилось, Марья Тимофеевна? — спросил мужчина строго.

— Та вот съемщики полезли в подземелье и сидят там уже с час, Анатолий Петрович. А я тут на посту вот вместе с ихним начальником.

— Кто дал разрешение? — еще более строго спросил Анатолий Петрович.

— Как кто? — дрогнувшим голосом спросила Марья Тимофеевна. — Вы, Анатолий Петрович, и дали. Я лично на подпись носила ихнее письмо.

И Марья Тимофеевна ткнула в Касьяна пальцем.

— Это истинно так, — глухим голосом подтвердил Касьян.

Он тоже стал смотреть в дверь, скрывшую за собой его съемочную группу.

— Так, понятно. Помню это письмо. Тогда ничего страшного. Еще с полчаса подождем и вызываем спасателей. Не впервой.

С этими словами Анатолий Петрович засеменял в направлении ворот.

Марья Тимофеевна изменила ракурс наблюдения, провожала глазами своего начальника, пока он не сел в старую ржавую «Волгу».

У Марьи Тимофеевны был такой вид, будто ее одну выбросили из корабля в штормовое море.

— Не хочет быть ответственным, все на меня свалил, — горестно констатировала.

— Наверное, не в первый раз, — повторил фразу начальника, но с нажимом на сочувствие Касьян.

— Не в первый. Главное скинуть на другого — милое дело.

— И к культуре не имеет никакого отношения, — подольстил Касьян.

— Ничего общего, — быстро согласилась Марья Тимофеевна.

Она посмотрела на маленькие часики, свободно болтающиеся на запястье.

— Паниковать еще рано, но я уже в

недоумении.

— А когда начнем паниковать? — с веселым интересом спросил Касьян, желая хоть как-то разрядить сгущающуюся атмосферу.

— Паниковать начнем через сорок минут, — серьезно сказала Марья Тимофеевна. — Паника у нас дорого стоит. Это «эмчээсовцев» вызывать. Правда, платить будете вы, как заказчик. И письмо есть.

Касьян постоял еще немного, осознавая грядущую неизбежность и боясь спросить точную цифру, а потом зашагал по гулким от сухого зноя камням. Он пошел к Черной башне, помня, что там должен быть 36-метровый колодец, но наткнулся на закрытые двери и повернул к башне Рожанка. Там он стал у узкого оконца и смотрел на зеленые валы холмистых подзамчевых земель.

На вершине одного из холмов под самым солнечным пеклом паслись козы. Огромный козел с черно-седой бородой зорко оглядывал окрестности.

Сколько около этих башен крови было пролито.

Так и представил Касьян, как в солнечном мареве перебирают удилами лошади и звенят оружием воины. Более 60 раз хотели взять эту крепость татары, многожды стояли у крепости турки, казаки.

Даже Богдан Хмельницкий с 40-тысячным

войском стоял здесь. А сколько известных людей сидело в этих башнях, ведь почти весь 19 век здесь была тюрьма. Да и раньше в эту гостеприимную гостиницу приглашали провинившихся. Польский король Станислав Август сидел здесь, как заговорщик, а потом сидели заговорщики, желавшие свергнуть самого Августа...

Тут служил поэт Батюшков и генерал Раевский...А взрыв по приказу коменданта Володыевского подземных пороховых погребов, в результате которого погибло 800 человек?!

Богатый материал для фильма.

А сколько Марья Титмофеевна еще может любопытного рассказать? Если, конечно, Касьян оплатит услуги «эмчээсовцев». При воспоминании об этом факте у Касьяна резко испортилось настроение.

Он смотрел на зеленые дали, на пасущихся коз с бдительным козлом, и сердце снова начало наполняться покоем.

Как хорошо все-таки, когда в голове нет отрицательных мыслей. Почему так зловредно устроен мозг?

Он переходил из башни в башню. Под сводами этих монументальных сооружений было прохладно, из окон-бойниц задувал привольный ветерок. Так не хотелось вступать на солнечную часть, так хотелось забыться в пространстве,

окруженном вечностью и покоем.

Долгое невозвращение группы становилось критическим.

Марья Тимофеевна сидела в тени навеса, упорно глядя на вход в подземелье.

— Теперь можно вызывать спасателей, — сказала она. — Мне это очень не нравится.

— Как их вызвать? — спросил Касьян.

— Письмо надо писать. Я вам продиктую, а вы подпишите.

— А вы?

— А я не подпишу. Подпись денег стоит, вы потом меня по судам затащите. Даю слово: больше ни одна живая душа туда не пролезет, тем более киношники. Я правильно сказала?

— Неправильно. Может быть, киношники сейчас как раз открытие делают, ведь там, под землей, сплошные тайны. Вы сами рассказывали.

Чтобы тайны открыть, нужно много денег, а у государства их нет, да и у вас не хватит.

Марья Тимофеевна оторвала свой взор от двери и оглядела Касьяна, будто впервые увидела.

— Вам бы со спасателями расплатиться. Идемте.

Она встала, по-старушечьи крякнула и потеряла рукой бок.

— Если бы я знала...

В маленькой прохладной комнатухе, где до

потолка высились папки и толстенные справочники, кроме стола и стула больше никакой мебели не было.

— Это наш склад, — сказала голосом гида, продолжающим экскурсию, Марья Тимофеевна. — Садитесь.

Правой рукой, как лопатой, она сгребла спящие мирно на стуле две папки, резко сжатым компрессором воздухом (аж засвистело) сдула пыль.

Касьян отскочил, пыль летела в его сторону.

Письмо они написали быстро. Марья Тимофеевна была мастером составлять чиновничьи цыдули. Она написала так, будто большому правительству срочно понадобились съемки подземных ходов старой крепости. Не забыла упомянуть и то, что данный объект (так и было написано) находится под контролем и патронатом ЮНЕСКО.

Тяжело вздохнув, Касьян расписался. Это был первый подписанный им, директором частного предприятия, денежный документ.

Выглядело вполне солидно.

— Так-то лучше, а теперь несите письмо в ихнюю контору.

Марья Тимофеевна подробно рассказала, где искать «ихнюю контору», напоследок даже изобразила улыбку.

— Вы там с ними поостроже, тогда меньше возьмут, — со знанием дела посоветовала она.

Касьян вышел из крепости, быстро зашагал к Старому городу.

В деревянном настиле Турецкого моста он увидел небольшую дыру. Видно, с деньгами у государства действительно было худо. Тут просто опасно ходить, подумал Касьян и заглянул в деревянное оконце. Внизу бурлила темная вода. Казалось, она ввинчивается и уходит глубоко под землю.

С высокого пригорка — входа в старый город — Касьян любовался крепостью, совершенно гениальным ее расположением и архитектурой. Эти древние камни и скалы много видели, сейчас Касьян ощущал, как они ему рассказывали об этом.

Потому современному человеку и интересно знакомиться со стариной, потому едут и летят за тридевять земель, чтобы прочитать эту информацию и окунуться в прошлое.

Он нагнулся и чуть даже не лег на землю. Крупно блестящие камни мостовой отлично вписывались в ореол крепости.

Не забыть сказать Зинуле. Хотя она и сама увидит. Глаз у нее меткий. Вспомнив про Зинулю, Касьян быстро поднялся, надо было торопиться. Зинуля и компания находились под землей и неизвестно где.

Управление МЧС находилось в старом дворе, сплошь завешанным сохнувшим бельем.

— Вон то парадное, — указала распаренная женщина в подоткнутой до бедер юбке. — Что нравится? — уловила взгляд Касьяна. — Приходи, милоч, вечерком, — рассмеялась.

Касьян вошел в парадное, на него дохнуло мышино-котячей сыростью.

На старой выщербленной двери красовалась табличка из трех букв МЧС. Рядом спал старик с повязкой на руке.

— Начальство есть? — спросил Касьян, дотрагиваясь до повязки.

Старик вздрогнул и открыл глаза.

— Какое тебе начальство нужно?

— Самое большое.

— Самого большого нет, уехало в Проскуров. Тьфу, в Хмельницкий... Есть начальство поменьше. Степаныч! — заорал вдруг зычным молодым голосом старик. — К тебе клиенты.

Из боковой двери вышел подтянутый старший лейтенант Степаныч.

— Чего кричишь как на пожар. И так слышу — без твоего громофона. Я к вашим услугам.

Когда рассказ был закончен, письмо отдано, Степаныч задумчиво уставился на Касьяна, словно врач, решающий, что же ему делать с безнадежным пациентом.

— Половина состава в отпуске, на байке только срочники, но они мне не подчиняются. Надо ждать Соколова, к концу дня обещался быть.

— Ждать некогда, люди под землей выполняют ответственное правительственное задание и, видно, заблудились.

На слове «правительственное» Касьян сделал ударение.

— Правительственное, правительственное, — забормотал Степаныч — сам вижу, что правительственное. — Ладно, что-нибудь придумаем с твоим кино. Сейчас.

Степаныч вышел в соседнюю комнату и вернулся с военной рацией.

— Мы Соколова достанем раз правительство, — сказал повеселевший Степаныч. — Сами будете с ним говорить.

Рация зазвучала тысячью голосами, из которых вылез на поверхность один — совершенно нетрезвый.

— Чего тревожишь, лейтенант, не знаешь ли, что я на серьезном совещании?

— Тут по правительственной линии, — зачастил Степаныч. — С вами хотят говорить.

— Касьян набрал побольше воздуха для солидности и коротко доложил ситуацию нетрезвому Соколову.

— Ясно, — сказал сразу ставшим

начальственным голосом Соколов. — Дайте трубку лейтенанту.

— Звони на байку, гони их в крепость. Я через несколько часов буду.

Степаныч позвонил на байку (как потом выяснил Касьян, байкой спасатели называли обыкновенную казарму) и нагнал страху на «срочных» спасателей.

Было обещано немедленно выехать экспедиционным составом.

— А почему Соколов вас лейтенантом назвал, в то время как вы старший лейтенант? — спросил Касьян.

— А потому, что у него настроение хреновое. Он ведь где-то в посадке на капоте своей «Волги» обедает, что не слышали? А когда у него хреновое настроение, то он всех понижает в звании. Для острастки.

— И когда ваши экспедиционщики будут?

— Считайте, вы дойдете до крепости, а они уже ждут. У нас порядок, кино снимать можно.

— Снимем, если быстро найдут.

— Найдут, а куда денутся. Тут студенты из индустриального техникума в прошлом году задали нам работку. Тоже полезли копать со своими исследованиями.

Пропали. Там столько неизвестных ходов, как в лабиринте, даже, сказывают, и под Смотричем

идут аж к самой Хотинской крепости. Слыхали про такую? Но никто этих ходов не исследовал. Вполне может быть, что ваши камерники туда и направились, тем более с Васей. Вася у нас парень бравый, любит детективы смотреть.

При упоминании о Васе глаза у Степаныча подобрели и даже увлажнились. Видно, не шапочное знакомство было у старшего лейтенанта с электриком старой крепости.

— Так те студенты сами вышли, хотя мы и направили туда поисковиков. А как вышли, понятия не имеют, объяснить не смогли. Рассказывали всякие ужасы, мол, там кто-то живет, чуть ли не с войны еще.

Черт его знает, все может быть, там ведь продовольственные склады были, а жить под землей человек научился. Вон в нашем Онуфриевском монастыре, я дома недавно был на побывке, в подземной церкви монахи в кельях жили, не выходя на свет божий, годами.

Как кроты, закопались и живут себе. Я бы так не смог. Ну а ваши, может, тоже сами и выйдут. Походят, походят и выйдут. А куда деться, если, конечно, новый ход не открылся. Тогда выйти могут и в Хотине или еще дальше. Эта крепость была неприступной, гарнизон постоянно вылазки делал, а как без ходов вылазки делать? То-то.

Степаныч закончил свой монолог и остался

им доволен. Все рассказал, что знал.

— Спасибо, Степаныч, вы мне боевой дух подняли. Скорее всего, так и произойдет, сами и выйдут.

— А не выйдут, наши подмогут, — поставил точку Степаныч и начал заниматься своими делами: копать в старых папках, бормоча какую-то солдатскую песенку себе под нос.

Касьян попрощался и вышел. Старик с повязкой все так же кунял на своем посту. Назначение старика у входа Касьян так и не понял. Мимо мирно посапывающего вахтера ничего не стоило пройти в комнаты МЧС, даже вынести сейф.

Старик во сне шевелил губами.

Солнце стояло в зените. Выбеленные им дома, улицы, черепица и жестяные трубы создавали картину всеобщего сонного покоя. Слышен был каждый звук: визг тормозов, цокот каблуков по стесаным камням, разговор матери с ребенком, хруст подломившейся сухой ветки под большим вороном.

Выйдя из здания МЧС, Касьян остановился, вбирая в себя силу солнечного дня, его ароматы и звуки. Почему в иных местах так свободно дышится и легко думается? Вот здесь, где стоял сейчас Касьян, он видел благодатный свет. И мысли его текли светлые, хотя ситуация была из самых темных, ведь он отвечал за пропавших людей.

Только после посещения МЧС он об этом всерьез задумался.

Касьян остановился у аккуратного с островерхой пятискатной крышей дома и смотрел, как тень от фигурного козырька медленно ползет по сухой бетонной шубе. В окне сидела старушка и белая, жмурившаяся (наверное, от уютного старческого тепла) кошка. Темное пространство за их спинами излучало прохладу.

Старушка была слепой, но она сидела у окна и, наверное, представляла себе мир через звуки, доносящиеся из города. А кошка смотрела зряче-слепыми глазами, ощущая каждым белым волоском своим колебание природы.

Кошка была последним мазком замечательной картины под названием «Успокоение». Обязательно надо снять, записал в памяти Касьян и двинулся в крепость.

Наверное, надо расспросить студентов индустриального техникума, которые побывали в подземном плену.

Степаныч был прав: посреди замкового двора уже стоял микроавтобус «мерседес», а вокруг него образовали круг крепкие ребята в сине-красных куртках и джинсах.

Они слушали Марию Тимофеевну, которая что-то им оживленно рассказывала, подняв вверх лицо. Она увидела Касьяна и сопровождала его

взглядом, пока он не подошел.

Касьян легонько отодвинул рослого спасателя, прошел в центр и стал рядом с Марьей Тимофеевной.

— Я рассказываю им об истории подземных ярусов — сказала Марья Трофимовна, повернув лицо к Касьяну. — Есть лишь чертежные наброски, ведь никто из-за отсутствия денег не проводил исследований.

Касьян представился и попросил, чтобы как можно быстрее его съемочная группа, которая (подчеркнул он) выполняет важное правительственное задание, была доставлена наверх.

Небольшого роста капитан с сухим лицом и глазами, состоящими из одних темных зрачков, заверил, что они сделают все, что в их силах.

Затем по чертежам, которые принесла Марья Тимофеевна, был проложен примерный маршрут. Спасатели, как фронтовики, надели на себя смотанные в рулон одеяла и простыни (не хватало еще подушек, подумал Касьян).

Два крепких солдата-мужика взяли крюки и лопаты. Еще два спасателя нагрузились рюкзаками с провизией и водой. Фонари были у каждого, сам капитан подхватил большую катушку, которая с каждым шагом откручивала провод связи.

Каждый исчезал в проеме двери, словно

прыгал вниз с парашютом.

На небольшом столике, который тут же отнесли в тень, стоял аппарат связи. Было договорено, что через каждые полчаса капитан будет выходить на связь и докладывать обстановку.

Касьяну вдруг показалось, что он находится в пионерском лагере, где началась игра: «синие» находят «красных». Даже какой-то азарт охватил.

Через несколько минут этому ощущению был положен конец.

Раздался громкий трезвон, Мария Тимофеевна, напрочь вошедшая в коллектив поисковиков, взяла важно трубку и произнесла вопросительно «Алло?».

Скрипучий подземный голос капитана откашлялся и доложил.

— Идет почти вертикальный спуск, первый ярус мы прошли, наблюдаются следы пострадавших. Трубка замолкла, Мария Тимофеевна важно посмотрела на Касьяна.

— Почему пострадавших? — спросил под этим взглядом Касьян. — Они скорее пропавшие.

— Найдены следы, это хорошо, — произнесла, следя за своими мыслями, Мария Тимофеевна.

Она записала полученные сведения в неизвестно откуда взявшийся альбом и уставилась (как прежде на дверь) на аппарат.

На аппарат падало солнечное пятно и высвечивало на зеленом теле широкую царапину.

В этот момент во двор крепости вошла большая экскурсия с высоким, похожим на страуса, гидом.

Марья Тимофеевна нехотя встала.

— Присмотрите за этим, — кивнула она Касьяну, как своему подчиненному, на аппарат, — я должна принять гостей.

Касьян сел на место Марьи Тимофеевны, ощутив нагретость сиденья стула. Он заворожено смотрел на аппарат с царапиной, которая, казалось, увеличивалась с каждой минутой, представлял, что происходило под землей.

Ему и самому хотелось взять участие в группе спасения, но кто-то должен был оставаться наверху и принимать сигналы и решения. Тем более, что в их машине лежало оборудование. В конце концов он был ответственным за все, что здесь сейчас происходило. С завистью Касьян посмотрел на идущую впереди жидкой толпы экскурсантов Марью Тимофеевну и вслух произнес:

— Вот устроилась!

Но тут же вспомнил директора крепости, с которым Марья Тимофеевна, по всей видимости, не ладила, успокоился, сосредоточившись на происходящем под этим каменными плитами и булыжниками.